

На правах рукописи

**ШКЕЛЬ
СТАНИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ**

**АВТОРИТАРИЗМ В ПОСТСОВЕТСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА:
ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ
И РЕЖИМНОЙ ДИНАМИКИ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре политологии, социологии и связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Дорожкин Юрий Николаевич

**Официальные
оппоненты:** доктор политических наук, профессор
Михалева Галина Михайловна,
профессор кафедры культуры мира
и демократии ФГБОУ ВПО «Российский
государственный гуманитарный университет»

доктор политических наук, профессор
Попова Ольга Валентиновна,
заведующий кафедрой политических
институтов и прикладных политических
исследований ФГБОУ ВПО
«Санкт–Петербургский государственный
университет»

доктор политических наук, профессор
Сельцер Дмитрий Григорьевич,
профессор кафедры международных
отношений и политологии ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации»**

Защита состоится «25» июня 2015 года в 12.30 час. на заседании диссертационного совета Д 521.004.03 при АНО ВПО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 3, зал заседаний диссертационных советов (ауд. 511).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте www.mosgu.ru АНО ВПО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат политических наук,
доцент

А.К. Сковиков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Распад СССР стал точкой отсчета независимого политического развития новых пятнадцати государств. Постсоветский регион, подобно естественной экспериментальной площадке, предоставил уникальную возможность не только протестировать и подвергнуть эмпирической верификации ранее выдвинутые методологические концепты, но и на основе обобщения современных данных сформулировать новые теоретические подходы и объяснительные схемы, позволяющие более глубоко и объективно понять механизмы, закономерности и причинно-следственные связи политического развития.

Хотя стартовые условия большинства стран с точки зрения социально-экономических и культурных параметров не были одинаковыми, обстоятельства становления новых политических режимов имели много сходных характеристик. Институциональный дизайн советской политической системы, также как и задачи по государственному строительству, реформированию экономики, формированию национальной идентичности были схожими в начале постсоветского развития новых независимых государств. Близость политических параметров на старте режимных переходов постсоветских стран может рассматриваться как преимущество с точки зрения возможностей сравнительного анализа политических трансформаций.

Постсоветские государства Центральной Азии и Кавказа демонстрируют не столько демократические траектории развития, сколько являются случаями авторитарной режимной консолидации. В этой связи, актуальной научной задачей является измерение режимной диверсификации постсоветских государств не только в рамках дихотомии «авторитаризм – демократия», но и на основе анализа, способного фиксировать переходы от одной недемократической режимной формы к другому виду авторитаризма.

Следовательно, изучение режимной динамики в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа может быть плодотворным как для обогащения теорий демократизации, так и для осмысления логики становления авторитарной власти, уточнения причинно-следственных связей консолидации недемократических режимов и факторов, определяющих устойчивость авторитарного управления. В этой связи не менее актуальной задачей видится анализ постсоветских государств под углом измерения политической динамики, а также с использованием исследовательского ракурса, способного пролить свет на причины политической статики, выявить основные факторы, обуславливающие устойчивость и стабильное функционирование авторитарных режимов.

Политические события последнего десятилетия в таких странах постсоветского пространства как Кыргызстан и Грузия, получившие название «электоральных» или «цветных революций» и связанные с драматическим противостоянием власти и оппозиции, самым наглядным образом показали, что режимная консолидация в этих государствах далека от

завершения. Вместе с тем другие страны постсоветского региона демонстрируют существенную устойчивость и стабильность политического функционирования. Таким образом, важнейшей актуальной задачей на современном этапе остается научный анализ развития постсоветских стран в сравнительной перспективе, с целью выявления и уточнения факторов, определяющих диверсификацию режимной динамики и политических исходов.

Изучение авторитарных режимов, сформировавшихся в государствах Центральной Азии и Кавказа, исследование основных принципов их функционирования, а также логики их развития, может пролить свет на многие аспекты теории авторитаризма, а также прояснить понимание универсальных и специфических причин краха демократизации. Анализ постсоветских политических режимов, с акцентом на случаи стран Центральной Азии и Кавказа, представленный в данной работе, содействует разработке этого актуального направления современной политической науки.

Степень научной разработанности проблемы. В политологии изучение политических режимов является одним из главных исследовательских направлений. Вместе с тем если институтам и процессам демократизации до последнего времени уделялось сравнительно много внимания, то авторитаризм и проблематика факторов его устойчивости оставались на периферии научного интереса.

Весь объем научных трудов, посвященный тематике недемократических режимов, а также динамике и факторам авторитарной устойчивости в рамках постсоветского политического развития, условно можно разделить на четыре блока.

Первый из них включает работы, исследующие общие закономерности становления и функционирования авторитарных режимов, а также теоретические труды, предлагающие классификации недемократических режимных форм. Хотя уже мыслители древности уделяли определенное внимание различным формам авторитарного правления, серьезный научный анализ недемократических режимов начался только в XX веке. Одной из главных причин возросшего интереса ученых к разным видам диктатуры явилось формирование в разных странах мира тоталитарных режимов правого и левого толка. К. Поппер, Х. Аренд, К. Фридрих и З. Бжежинский впервые раскрыли причины становления тоталитарных режимов и специфические характеристики тоталитаризма. Х. Линц, А. Степан, Х. Чехэби, Г. О'Доннелл ввели в научный оборот термин «авторитаризм» и разработали первые типологии недемократических форм власти.

Среди современных ученых, разрабатывающих теорию авторитаризма, можно отметить работы Дж. Герчевски, Г. Голосова, В. Банс, С. Волчик, Дж. Броунли, Дж. Врайта, Дж. Ганди, А. Пшеворского, К. Грина, К. Дарден, Е. Егорова, К. Сонины, Б. Магалони, С. Хабера, Р. Винтроба, Р. Снайдера, С. Ливитски, Л. Вея, Б. Буэно Де Мескита, А. Смита, Р. Сиверсона, Дж. Мэроу, Д. Асемоглу, Д. Робинсона, Т. Вердейра.

Отдельным направлением являются попытки концептуализации смешанных (гибридных) режимных типов, включающих в себя как признаки авторитаризма, так и элементы демократии. На современном этапе широкое признание получили концепт «электорального авторитаризма» А. Шедлера и теория «соревновательного авторитаризма» Л. Вэя и С. Левитски.

Среди предложенных классификаций недемократических режимов наибольшее признание получили типологии, разработанные Б. Гедесс, Л. Даймондом, М. Говардом и Ф. Роесслером, Дж. Моллером, М. Вэхменом, Дж. Тоереллом и А. Хэдениусом.

Второй блок работ, важных с точки зрения предметной области данного исследования, посвящен анализу факторов режимных трансформаций. Большинство из них основано на транзитологическом подходе. К наиболее значимым трудам этого направления можно отнести работы Д. Растоу, Г. О’Доннелла, Ф. Шмиттера, А. Мельвиля, С. Хантингтона.

На современном этапе не менее влиятельным концептом анализа политических переходов стал неопатримониальный подход, берущий начало с классических работ М. Вебера. Наиболее значимыми работами в рамках данной теоретической парадигмы являются труды Ш. Эйзенштадта, С. Декало, Р. Дикса, Г. Рота, Р. Теобальда, М. Брэттона, Н. Ван де Вале.

Роль экономических факторов в трансформации режимов исследована А. Даунсом, С. Липсетом, А. Пшеворским, Ф. Лимонджи, М. Алварез, Дж. Чейбаб, К. Боиксом, Д. Асемоглу, Дж. Робинсоном, М. Россом, Т. Дюннингом.

Культурные истоки режимных диверсификаций рассмотрены Г. Алмондом, С. Вербой, В. Дубцевым, Н. Розовым, В. Пастуховым, А. Липкиным, Р. Инглехартом, Р. Патнэмом, Ю. Пивоваровым, С. Фишем, А. Фурсовым, Л. Харрисоном.

В рамках географического детерминизма роль пространственной локализации государства, определяющая степень устойчивости или уязвимости режимов, изучена в работах Дж. Копстейна и Д. Рейлли, Т. Ланкиной и Л. Гетэчеу. В более общем смысле внешнее влияние, как фактор режимной динамики, исследовано С. Левитски, Л. Веем, Дж. Толстрапом, Н. Джексоном, Д. Кэмероном, М. Оренштейном.

Взаимосвязь между уровнем государственного потенциала и режимной динамикой исследовали А. Мельвиль, Д. Стукал, М. Миронюк, Ч. Тилли, Дж. Фортин, С. Холмс.

Институциональный дизайн политической системы как значимый фактор трансформации и консолидации режимов рассмотрен в трудах М. Беляева, Х. Линца, А. Степана, С. Скача, Г. Хейла, Т. Фрайа, Г. Истера.

Третий блок работ связан с общей проблематикой постсоветского политического развития. В ряду наиболее значительных работ, в которых проводится сравнительный анализ политического транзита государств постсоветского пространства, можно выделить исследования В. Банс, С. Волчик, Р. Бова, В. Буренко, А. Вильсона, О. Гаман–Голутвиной,

В. Гельмана, А. Гилева, Г. Голосова, Ф. Гулиева, К. Овиш, Б. Пэрротт, О. Поповой, Е. Коргунюка, Е. Мелешкиной, Г. Михалевой, Т. Куцио, В. Ледяева, К. Оффе, М. Макфола, К. Рогова, Д. Сельцера, А. Скиперских, А. Сквоикова, Л. Титовой, Дж. Хеллмана, В. Лукова, А. Фисуна, С. Фиша, Т. Фрайа, В. Фритца, Д. Фурмана, Г. Хейла, О. Шаброва, Дж. Ишиямы, Х. Китчелта, Н. Робинсона, К. Дарден, А. Грзима-Бюссе, К. Монтгомери, Т. Ремингтона, К. Давиши, Л. Вэя, А. Щербака.

Четвертую группу научных работ представляют исследования, посвященные непосредственно анализу политического развития постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа. В их ряду можно отметить работы Н. А. Борисова, Э. МакГлинчей, С. Есеновой, П. Лунг, Л. Коллинс, Е. Шатца, Д. Гуллетте, А. Трейчер.

К наиболее значительным исследованиям постсоветского Кыргызстана можно отнести работы Е. Хаскея, Г. Искаковой, Дж. Флетчера, Б. Сергеева, Н. Добронравина, А. Кынева, Дж. Андерсона.

Постсоветское развитие Таджикистана изучено И. Тункер-Киловузом, И. Звягельской, А. Ниязи, М. Аткиным, Х. Ширази, Х. Емади, С. Акбарзадемом, А. Хетманеком, Дж. Ингваллом, Р. Смитом, Л. Марковитц, С. Акинером.

Политические аспекты развития постсоветского Казахстана отражены в работах Н. Амеркулова, А. Хазанова, Дж. Мерфи, М. Олкотт, А. Сарсембаева, М. Ларюэль, С. Пейроуз, Е. Ертысбаева, Д. Фурмана, Р. Исаакса, А. Куртова, И. Бреммера, К. Вельта, Р. Помфрета, П. Ипека, Е. Шатца, Е. Мальтсевал, Б. Джунисбая.

Постсоветская политика в Узбекистане исследовалась В. Фиерманом, Ш. Акбарзадемом, Дж. Муртазашвили, Э. МакГлинчей, П. Верме.

К наиболее значительным работам, посвященным проблематике постсоветского режима в Туркменистане, можно отнести исследования Ш. Кадырова, М. Очза, Н. Добронравина, А. Куру, А. Грозина.

Политическое развитие постсоветского Азербайджана рассматривается в работах Д. Фурмана, А. Абасова, А. Алстедта, Н. Добронравина, Ф. Гулиева, О. Бейлгена, Д. Херэдствеита, А. Ресизаде, А. Гахрамановой, Е. Херрона, Ф. Арифоглу, Ш. Аббасова.

Постсоветской Армении посвящены исследования П. Рутлэнда, Б. Колоницкого, Н. Дадвика, А. Балаяна, Б. Бабаджанияна, Д. Петросяна, Э. Миносяна, Г. Микаеляна.

Грузия в период постсоветского развития исследована Д. Слайдером, Б. Колоницким, А. Кухианидзе, Л. Броерзом, К. Клоссоном, Н. Сумбадзе, Б. Гродским, Л. Митчеллом, В. Папавой, М. Мусхалешвили, М. Бейдером, Б. Лехбрачей, Л. Саникидзе, Н. Тангиашвили, Г. Слейд, Л. Бураковой, Б. Чедия.

Вместе с тем, несмотря на внушительный объем работ, посвященных постсоветскому политическому развитию вообще и режимной динамике бывших республик СССР в частности, до сих пор существует лишь ограниченное число исследований сравнительного анализа режимной

динамики в постсоветских странах, выполненных на основе единого теоретического концепта. Еще меньше работ, которые рассматривают данную проблематику с точки зрения факторов становления и устойчивости авторитаризма.

Объект исследования – авторитарные режимы постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа.

Предмет исследования – факторы устойчивости и динамики авторитарных режимов в странах постсоветского пространства.

Цель исследования – изучить разные траектории утверждения авторитаризма в постсоветских странах Центральной Азии и Кавказа, выявить факторы режимной устойчивости и динамики.

Задачи исследования:

1) рассмотреть теоретико-методологические основы исследования авторитаризма как категории политической науки;

2) измерить динамику режимных трансформаций в постсоветских странах Центральной Азии и Кавказа с помощью разработанной классификационной шкалы;

3) выявить структурные и процедурные факторы, обеспечивающие устойчивость и динамику авторитарных режимов в постсоветских странах Центральной Азии и Кавказа;

4) исследовать режимную динамику на этапе неопределенности в постсоветских странах Центральной Азии и Кавказа;

5) проанализировать модели выхода стран Центральной Азии и Кавказа из состояния неопределенности и определить факторы утверждения в них авторитарных режимов;

6) определить факторы устойчивости и динамики авторитаризма на основе анализа постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа на этапе режимной консолидации.

Теоретической базой исследования являются неоинституциональный и элитистский подходы, а также теория рационального выбора и концепция неопатримониализма. В частности, определяя «политический режим» как совокупность формальных и неформальных институтов (правил игры), последние понимаются в трактовке Д. Норта как создаваемые людьми ограничительные рамки, организующие социальные взаимоотношения и задающие структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия. Преимущество нового институционализма состоит в том, что данный подход позволяет включить в поле анализа не только формально-правовые нормы, регулирующие действия политических акторов, но и неформальные аспекты политики, которые в условиях авторитарной среды играют важную роль.

Элитистский подход позволяет раскрыть логику функционирования и развития авторитарных режимов, поскольку в ситуации ограниченного влияния электората на выработку политических решений ключевым аспектом политического процесса становятся взаимодействия между элитными группами.

Объяснение логики авторитарного управления основывается на

положениях теории рационального выбора, рассматривающих политиков как рациональных акторов, стремящихся максимизировать свои выгоды и минимизировать издержки.

Концепция неопатримониализма используется для раскрытия сущности авторитарных режимов в постсоветских странах. Данная теоретическая парадигма позволяет определить факторы динамики и устойчивости режимов, расширяя возможности анализа за счет включения в его поле аспектов, связанных с формированием патрональных сетей политического лидера, что является одним из важнейших условий политического выживания авторитарного правителя и устойчивости режима в условиях постсоветских политических реалий.

Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных научных методов.

Для разработки типологии политических режимов используются общие принципы классификационного метода, а также статистические процедуры анализа данных. При создании исследовательского дизайна применяется метод моделирования.

Метод компаративистского политического анализа используется для кросснационального анализа случаев и включает в себя применение методики контент-анализа и ивент-анализа.

В диссертации используются также такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез.

Эмпирической базой исследования являются конституционное законодательство постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа, данные электоральной и политэкономической статистики, а также различные базы данных и индексы, позволяющие фиксировать режимные характеристики и динамику режимных форм исследуемых случаев.

Исследовательская гипотеза состоит в предположении о том, что динамика и устойчивость постсоветского авторитаризма в государствах Центральной Азии и Кавказа обуславливается совокупностью факторов структурного и процедурного характера.

На начальном этапе режимных трансформаций (фаза неопределенности) ключевым структурным фактором режимной динамики и устойчивости являлось наследие прошлого в виде уровня массовой поддержки оппозиционных коммунизму идеологий (национализма) или религиозных течений (ислама), наличие или отсутствие объективных социальных (региональных, религиозных, этнических, субэтнических) расколов, а также эффекты, связанные с традициями кадровой политики союзного центра. Все это создавало специфические формальные и неформальные институциональные рамки, которые определяли стратегический выбор политических акторов.

На этапе режимной консолидации ключевым структурным фактором, открывающим «окно возможностей» для становления авторитаризма, являлась степень этатизма экономики или наличие сырьевых ресурсов, монопольный контроль за экспортом которых позволял политическим

акторам занять позицию доминирующего игрока даже в условиях рыночных реформ.

Структурные факторы обуславливают определенную элитную структуру. Гипотеза исследования в этом аспекте заключается в том, что фрагментированный характер элит в неопатримониальной среде облегчает политическому лидеру задачу по концентрации личной власти и установления авторитарного порядка. Биполярная или атомизированная элитная констелляция, напротив, создает ограничения для этого.

Важнейшими процедурными факторами, обуславливающими авторитарную консолидацию и устойчивость авторитаризма, являются стратегические действия политического лидера и его способность создать широкую властную коалицию. Это предполагает использование целого комплекса мер, главными из которых являются механизмы кооптации, репрессий и легитимации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) разработана типология авторитарных политических режимов на основе двух критериев: степени конкуренции элит и уровня автономии элит;

2) предложен метод операционализации переменных «степень конкуренции элит» и «уровень автономии элит» для измерения конкретных типов политических режимов;

3) обоснованы режимные формы в рамках представленной типологии в виде: атомизированного партикуляризма, султанизма, неопатримониального авторитаризма, неопатримониальной полиархии, институционального авторитаризма и институциональной полиархии;

4) проведено измерение режимных форм постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа и выявлена режимная динамика исследуемых случаев;

5) определены устойчивые режимные формы постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа в виде неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии;

6) разработана аналитическая модель, раскрывающая основные структурные и процедурные факторы устойчивости авторитарных режимов в постсоветских условиях Центральной Азии и Кавказа;

7) систематизированы причинно-следственные связи между структурными и процедурными факторами с точки зрения их влияния на устойчивость и динамику авторитарных режимных форм;

8) раскрыты факторы и логика развития постсоветского авторитаризма в государствах Центральной Азии и Кавказа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа требует не только фиксации переходов от тоталитаризма и авторитаризма к демократии, но и применения исследовательской оптики, способной градировать трансформации от одной недемократической формы в другую разновидность автократии. Отталкиваясь от тезиса о многообразии авторитаризма, а также учитывая роль неформальных институтов в

постсоветской политической практике, в качестве критериев построения режимной типологии для исследуемых случаев предлагается использовать два критерия: 1) уровень конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям и 2) степень автономии элит, отражающая роль формальных и неформальных институтов в реализации государственного администрирования.

2. Операционализацию первого критерия можно осуществить на основе данных электоральной статистики посредством учета формальных показателей политической борьбы, отражающихся в публичных электоральных исходах. Эта переменная может иметь два значения: высокий или низкий уровень конкуренции. Второй критерий оценивается на основе индексов уровня коррупции. Следуя неопатримониальной парадигме, понятие «автономия элит» в данной работе совмещается с тремя возможными идеально-типическими моделями государственного управления. Это позволяет выделить три формы государственного администрирования а) бюрократическую (характеризуется низкой степенью автономии элит, что подразумевает высокий уровень институционализации управления и доминирование рационально-легальных практик государственного управления в идеально-типической трактовке М. Вебера); б) неопатримониальную (выражается в средней степени автономии элит с наличием синтеза формальных бюрократических институций и неформальных патримониальных практик, основанных на персональных связях и патрон-клиентистских сетях); в) патримониальную (означает высокую автономию элит и характеризуется доминированием неформальных, сильно персонифицированных управленческих практик с минимальным влиянием конституционализма и норм права).

3. Соединения двух базовых переменных (степени конкуренции элит и уровня их автономии) позволяет выделить шесть возможных режимных типов: атомизированный партикуляризм (высокая конкуренция элит в условиях патримониального управления); султанизм (низкая конкуренция элит в условиях патримониального управления); неопатримониальный авторитаризм (низкая конкуренция элит в условиях неопатримониального управления); неопатримониальная полиархия (высокая конкуренция элит в условиях неопатримониального управления); институциональный авторитаризм (низкая конкуренция элит в условиях бюрократического управления); институциональная полиархия (высокая конкуренция элит в условиях бюрократического управления).

4. Анализ режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа выявил разный уровень авторитарной устойчивости: от одного режимного перехода в случаях Узбекистана и Армении, до пяти в Грузии. В целом для исследуемых случаев свойственна устойчивость двух основных политических режимов: неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии. При этом неопатримониальная полиархия, являясь гибридным режимным типом, демонстрирует меньшую устойчивость и не исключает трансформации как в сторону неопатримониального

авторитаризма, так и в сторону институциональной полиархии. Кроме того, данный режимный тип создает ограничения, препятствующие полной авторитарной консолидации.

5. Структурные факторы являются значимыми детерминантами, определяющими вектор режимной динамики постсоветских государств. В тоже время, их наличие не позволяет объяснить динамику и разные траектории режимного развития государств, имеющих на старте политических переходов примерно равный набор структурных параметров. Это требует анализа стратегических действий отдельных политических акторов и учета процедурных факторов.

6. Ключевым процедурным фактором стабильности авторитарного режима является способность политического лидера сформировать широкую властвующую коалицию, включающую в себя основные сегменты влиятельных элит (инсайдеров). Устойчивость авторитаризма зависит также от лояльности основных социальных групп (электората), степени маргинализации оппозиции и слабости элитных сегментов, не включенных в состав властвующей коалиции (аутсайдеров). Достижение этих задач связано с возможностью авторитарного лидера проводить три основные стратегии: кооптацию, репрессии и легитимацию, соблюдая пропорциональность и своевременность их применения.

7. Кооптация – это стратегические меры авторитарного правителя, направленные на формирование устойчивых связей режима с элитами и социальными группами с целью сохранения их лояльности. Данная стратегия является ключевой с точки зрения формирования властвующей коалиции. По отношению к инсайдерам она выполняет две основные функции: формирование лояльности членов властвующей коалиции и сохранение фракционности ее структуры. По отношению к аутсайдерам кооптация выполняет функции раскола и маргинализации оппозиции. По отношению к электорату данная стратегия обеспечивает режиму мониторинг новых идей, перспективных кадров и создает каналы обратной связи с обществом.

Репрессии, понимаемые не только как действия или угрозы физической расправы, но и любые меры власти, ограничивающие политические свободы граждан, выполняют функции повышения цены нелояльной деятельности для инсайдеров и сохранения элитной фрагментации. По отношению к аутсайдерам репрессии выполняют функции повышения цены антиправительственной деятельности, а также служат механизмом сохранения раскола оппозиции. Репрессии по отношению к электорату направлены на повышение цены поддержки оппозиции. Не менее важной функцией репрессий является удержание социальных групп от участия в массовых протестных акциях.

Легитимация в условиях авторитарного режима - это механизмы инкумбента, направленные на структурирование связей между властью и обществом с целью формирования активной поддержки, соблюдения установленных правил, пассивного послушания или просто терпимости к власти со стороны элит и широких социальных слоев. Легитимация по

отношению к инсайдерам носит сугубо прагматический характер, формируя убеждение среди элит в целесообразности сохранения автократа у власти в качестве лучшей из возможных гарантий стабильности их позиций и выгод. Функции легитимации для аутсайдеров заключаются в формировании пессимизма и развитии убеждения, основанного на идее непобедимости авторитарного лидера. По отношению к электорату легитимация выполняет функции убеждения в эффективности и справедливости существующей власти.

8. Одной из важнейших детерминант, определившей развитие постсоветских режимов и их диверсификацию, является сложившаяся к началу постсоветских трансформаций конфигурация политических элит, которая задавала определенные возможности и ограничения для реализации авторитарных стратегий. Благоприятной для становления и доминирования авторитаризма является фрагментированная структура элит, которая в большей степени позволяет авторитарному лидеру балансировать на противоречиях элитных фракций и сохранять свои властные позиции. Напротив, биполярная элитная констелляция становится фактором, ограничивающим возможности автократа для выстраивания широкой властной коалиции.

В свою очередь, структура элит на старте постсоветских режимных трансформаций обуславливалась наследием прошлого и определялась наличием или отсутствием трех факторов: 1) степенью национальной консолидации населения; 2) фактором опыта регионального доминирования; 3) характером ротации элит в период перестройки.

9. Два главных фактора определяют устойчивость соответственно двух модальных режимов (неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии) для постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа на современном этапе: структура элит и наличие сырьевых ресурсов. Биполярность элит и отсутствие экономических ресурсов приводят к долговременному функционированию неопатримониальной полиархии. Попытки разрушить данный режим при сохранении указанных факторов могут иметь лишь краткосрочный успех. Фрагментированная структура элит и наличие экономических ресурсов позволяет сформировать правителю широкую властную коалицию, политическим исходом чего становится консолидация неопатримониального авторитаризма.

10. Различие между неопатримониальным авторитаризмом и неопатримониальной полиархией связано с разными формами патрональных сетей, определяющих степень устойчивости режимов. Неопатримониальная полиархия характеризуется репрессивно-хищническим патронажем и меньшей устойчивостью, поскольку имеет ограниченный потенциал по инкорпорированию инсайдеров и аутсайдеров во властную коалицию. Доминирование репрессий при дефиците кооптационных практик приводит к понижению лояльности инсайдеров и радикализации как аутсайдеров, так и электората. Все это повышает вероятность дестабилизации режима.

Неопатримониальный авторитаризм характеризуется наличием патрональной сети, основанной на кооптационно-ресурсном патронаже. Логика развития данного режима при симптомах дестабилизации определяется сменой модели патрональных сетей. При сокращении экономических ресурсов, кооптационно-ресурсная модель патронажа эволюционирует в репрессивно-хищническую, что может продлить существование автократии.

11. Важным фактором стабильного функционирования авторитаризма является использование инкумбентом институциональной инженерии, позволяющей с помощью «партии власти» кооптировать и интегрировать инсайдеров, а также с помощью партий-спойлеров раскалывать и ослаблять аутсайдеров.

12. Кроме кооптации и репрессивных практик, важным фактором устойчивости постсоветского авторитаризма является мера легитимации режима. Современные государства Центральной Азии и Кавказа отличаются друг от друга с точки зрения использования конкретных идеологем для легитимации. В Туркменистане, Узбекистане, Азербайджане, Армении и Таджикистане доминирующей идеологической установкой власти является консерватизм. В Казахстане, Кыргызстане и Грузии власть в большей степени использует идеологию девелопментализма, утверждая приоритет развития и поступательного экономического роста. Вместе с тем в механизмах легитимации есть общие характеристики, сближающие все постсоветские страны рассматриваемого региона. В частности, почти все политические лидеры используют идеологемы из области национализма, а также легитимацию на основе личной харизмы лидеров.

Теоретическая значимость исследования состоит в концептуализации проблематики постсоветского авторитаризма и разработке типологии режимных форм, которая имеет преимущества с точки зрения анализа неопатримониальных режимов. Предложенные подходы к анализу режимной динамики позволяют более глубоко понять логику авторитарного становления и развития недемократических режимов, а также более точно систематизировать основные факторы устойчивости авторитаризма.

Проведённое исследование является существенным приращением знаний в области изучения авторитаризма и постсоветской политики. Анализ особенностей консолидации и функционирования недемократических режимов постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа может способствовать развитию общей теории авторитаризма и более полному раскрытию специфики авторитарных субтипов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты, а также введённая в научный оборот новая эмпирическая информация могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации и иными государственными институтами, реализующими государственную внешнюю политику, при разработке стратегии взаимодействия с государствами Центральной Азии и Кавказа с учетом их внутривластной специфики.

Результаты проведённого исследования позволяют использовать их в деятельности научно-исследовательских учреждений, преподавании базовых политологических дисциплин и специальных проблемных курсов в высших учебных заведениях, при подготовке учебной и методической литературы, при реализации программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных служащих.

Апробация результатов исследования. Выводы и основные положения диссертации изложены автором в одной авторской и двух коллективных монографиях. Диссертант имеет 23 статьи, которые опубликованы в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации результатов диссертаций.

Результаты исследования апробированы в выступлениях автора на международных, всероссийских и региональных научных конференциях (2004–2014 гг.): Международной научно-практической конференции «Вторая мировая война в зеркале современности» (г. Уфа, 2005 г.); Международной научно-практической конференции «Modern trends in scientific thought development» (г. Киев, 2011 г.); Международной научно-практической конференции «Государство будущего: политико-правовой аспект» (г. Уфа, 2012 г.); II Международной научно-практической конференции «Государство будущего: политико-правовой аспект» (г. Уфа, 2014 г.); III Международном конгрессе государственного управления и политических наук (г. Барселона, 2014 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Национальная политика и культура в современных условиях» (г. Уфа, 2006 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы государственной национальной политики: теоретико-методологические, правовые, и гуманитарные аспекты» (г. Уфа, 2008 г.); IV Всероссийской научно-практической конференции «Власть, общество, личность» (г. Пенза, 2009 г.); VI Всероссийской научно-практической конференции «Власть и воздействие на массовое сознание» (г. Пенза, 2010 г.); Республиканской научно-практической конференции «Политическая система в современной России» (г. Уфа, 2006 г.); Республиканской научно-практической конференции «Социально-политическое развитие Российской Федерации в XXI столетии: состояние и прогнозы» (г. Уфа, 2007 г.).

Материалы и выводы диссертации использованы в учебном процессе кафедры политологии, социологи и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета в рамках дисциплин «Политология» и «Сравнительная политология» (2002–2014 гг.) и кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан в рамках дисциплины «Политология» (2010–2014 гг.).

Положения диссертации прошли апробацию в процессе участия автора в исследовательском проекте фонда «Новая Евразия» и Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) на базе Московского государственного института международных отношений (МГИМО)

«Развитие сети взаимодействия аналитических центров России, стран СНГ и Балтии» (2006–2007 гг.).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политологии, социологии и связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» и рекомендована к защите.

Под научным руководством соискателя подготовлена и успешно защищена в 2012 г. кандидатская диссертация¹.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, оценена степень её разработанности, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, раскрыты теоретические и методологические основы работы, представлены эмпирическая база и гипотеза исследования, раскрыта научная новизна и изложены основные положения, выносимые на защиту, сформулирована теоретическая и практическая значимость исследования, охарактеризована апробация диссертационных положений.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования авторитаризма как типа политического режима», состоящей из двух параграфов, представлены основные понятия и рассмотрены ключевые категории исследования современного авторитаризма.

Первый параграф «Авторитаризм как категория политической науки» посвящён категориально-понятийному аппарату исследования недемократических режимов.

Весь спектр существующих в современной политической науке дефиниций понятия «политический режим» в работе разделены на два направления: минималистское (процедурно-электоральное) и широкое (политико-социентальное). Разница в рамках указанных двух направлений заключается в степени акцентирования на тот или иной уровень государственного взаимодействия с обществом. Процедурно-электоральный подход концентрируется на взаимодействиях «снизу-вверх» в рамках отношений «общество-власть», оценивая каналы доступа к властным позициям с точки зрения уровня конкуренции. Более широкое понимание режима подразумевает также учет взаимодействий «сверху-вниз» как совокупности интеракций от власти к обществу с фокусированием внимания не только на каналы доступа к власти, но и на оценку методов осуществления властвования. Анализ различных подходов к пониманию сущности категории

¹ Валитова Н. Э. Эволюция теоретико-методологических моделей исследования политико-режимных трансформаций в постсоветских странах: Дис....канд. полит. наук. Уфа, 2012.

«политический режим» привел автора к выводу, что для исследования режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа более целесообразно опираться на многомерную трактовку, вводящую в поле исследования не только каналы доступа к властным позициям, но и аспекты осуществления власти и модели административного управления.

В работе отмечается, что хотя аналитическое разделение областей и функциональной сущности понятий «режим» и «администрирование» является полезной стратегией для операционализации рассматриваемых понятий и их эмпирической верификации, в реальности обе сферы являются взаимосвязанными и зависимыми друг от друга. Поэтому для понимания причин утверждения в той или иной стране авторитарного режима, а также для определения конкретного режимного типа необходимо включать в поле анализа не только сферу доступа к властным позициям, но и область государственного управления, связанного с таким параметром как качество бюрократии. Кроме того, для анализа режимов постсоветских стран одномерная оценка качества электорального процесса и фиксация их только по дихотомической шкале «авторитаризм – демократия» имеет ограниченный познавательный потенциал, поскольку авторитарная природа сформировавшихся постсоветских режимов достаточно очевидна. Более сложно оценить особенности авторитарных форм в каждом из государств, а также разработать типологию, позволяющую фиксировать режимную динамику в рамках разных недемократических форм. Для этих задач кроме оценки каналов доступа к власти важен учет особенностей государственного управления, который может дать дополнительную информацию о специфических механизмах авторитарного функционирования.

В этой связи в работе *политический режим* определяется как *совокупность формальных и неформальных правил, регулирующих каналы доступа к властным позициям и формирующих модели осуществления государственного управления.*

Опираясь на теоретические положения Р. Даля, М. Алвареса, А. Чейбуба, Ф. Лимонджи и А. Пшеворского, *авторитарный режим* понимается как *совокупность формальных и неформальных правил, определяющих каналы доступа к властным позициям, согласно которым конкурентные выборы либо отсутствуют, либо не являются ключевым механизмом ротации элит.*

Анализ развития теории авторитаризма в политической науке в исторической ретроспективе позволил автору выделить три этапа («три волны») исследовательского интереса к недемократическим режимам. Каждая из «волн» во многом являлась реакцией на рост авторитарных режимов в мире и сокращение числа демократий. Эти «авторитарные откаты», следующие за волнами демократизации, порождали рост числа исследований, посвященных новым формам автократии.

Первая волна исследований связана с авторитарным откатом 1922-1942 гг., породившим фашистские режимы и коммунистические диктатуры. В центре внимания ученых оказался феномен тоталитаризма. *Вторая волна*

исследований связана с периодом «второго авторитарного отката» (1958-1975 гг.), что делало концепт тоталитаризма все менее релевантным для объяснения процесса «авторитаризации» в странах Л. Америки, Африки и Азии. Главенствующими фигурами этого периода можно признать Х. Линца, А. Степана и Г. О’Доннелла, которые обосновали само понятие «авторитаризм» и предложили критерии для классификации различных его форм. Оптимизм исследователей относительно демократической траектории режимных трансформаций в государствах Африки, Восточной Европы и бывшего СССР привел к резкому спаду интереса к авторитаризму в течении 1990-х гг. Однако политические реалии накануне XXI века и осознание приближения конца третьей волны демократизации стали началом *третьего этапа* исследовательского интереса к недемократическим режимам. Отличительной чертой современного этапа исследований авторитаризма является плюрализм и синтез самых различных исследовательских стратегий.

Во втором параграфе «Современные классификации авторитарных режимов» рассмотрены основные типологии авторитарных режимов с точки зрения их релевантности для исследования постсоветских недемократических режимных форм.

В работе весь спектр типологий авторитарных режимов, разработанных учеными на современном этапе, предлагается по базовому классификационному критерию условно разделить на электоральные, акторские и институциональные.

Представители *электорального* подхода отталкиваются от традиции Шумпетера-Даля, используя критерий конкуренции элит как базовый. Хотя концентрация только на качестве конкуренции в измерении режимного типа имеет определенные недостатки, фокусирование на электоральных критериях позволила разграничить не только авторитаризм и демократию, но и более четко градируют различия в рамках недемократических режимных форм, а также выявить «переходные» (гибридные) режимы. Автор делает вывод, что безусловным достоинством электорального подхода в систематизации режимных типов стала возможность более точной и эмпирически обоснованной операционализации выдвинутых теоретических категорий, что в свою очередь открыло новые перспективы статистического анализа. Вместе с тем в работе указывается на ограниченность данных классификаций, не способных охватить весь спектр многообразия авторитарных форм.

Основным параметром типологий *акторского* подхода является главный субъект (актор) принятых решений. Классическим примером данного подхода является типология авторитарных режимов, разработанная Б. Геддес. Исследователь выделяет три основных типа авторитаризма: военный, однопартийный и персоналистский. Это внешнее упрощение имеет ряд преимуществ, которые позволяют решить ряд методологических проблем и прийти к важным выводам относительно закономерностей функционирования и специфики режимной динамики в зависимости от типа автократий. Кроме того, данная исследовательская стратегия на основе единой методологии позволила включить в поле анализа все авторитарные

режимы из самых разных регионов мира. Если ранее ученые уделяли внимание региональной и исторически обусловленной специфике режимов, что приводило к созданию новых идеально-типических форм авторитаризма и мозаичности видения развития исследуемых политических явлений, то теперь стало возможно охватить все группы режимов и на основе сравнительного анализа выявить некую единую логику их развития.

Классификации на основе *институционального подхода* градируют режимы по характеру доминирующих институций, определяющих доступ к властным позициям и выработку управленческих решений. В частности, это: наличие или отсутствие наследственной передачи власти; роль военных во власти и степень влияния таких институтов как выборы и политические партии.

Анализ современных типологий авторитарных режимов привел автора к выводу, что для анализа специфики постсоветских авторитарных форм наиболее перспективным является версия институционального подхода с акцентом на учет не только формальных, но также неформальных режимных институций. С этой точки зрения наиболее релевантными для предметного поля исследования представляются концептуальные положения Г. О'Доннелла и В. Я. Гельмана, предложившие классификационные схемы с фокусом на оценку роли неформальных институтов, а также теория патримониального господства М. Вебера и парадигма неопатримониализма. Делается вывод, что перспективным решением задачи классификации постсоветских форм авторитаризма может быть разработка типологии, основанной на синтезе неоинституционального, электорального и неопатримониального подходов.

Во второй главе «Постсоветский авторитаризм: типы и динамика трансформаций», состоящей из двух параграфов, представлена авторская типология постсоветских авторитарных режимов и на ее основе проведен анализ режимной динамики государств Центральной Азии и Кавказа в постсоветский период.

В первом параграфе «Критерии измерения типов постсоветских режимов» представлена типология политических режимов и предложены решения операционализации исследуемых понятий.

Исходя из определения политического режима, представленного выше, автор предлагает использовать два критерия, позволяющие оценить конкретную режимную форму: 1) уровень конкурентности политических акторов в борьбе за доступ к властным позициям; 2) степень формальной институционализации государственного администрирования.

Для определения первого критерия используется классический электоральный подход, оценивающий уровень политической конкуренции согласно исходам избирательного процесса, отражающихся в электоральной статистике. При этом автор исходит из предположения, что уровень публичной конкуренции является значимым маркером, указывающим на плотность патрональных сетей правителя и на степень его властной устойчивости.

Степень институционализации государственного управления конкретизируется посредством использования понятия «автономии элит», предложенное А. Грзималла-Бюссе и П. Лунг. Показатель степени автономии элит тесно связан с уровнем формальной институционализации политического процесса. Развитая институциональная среда стимулирует формирование идеологических (обладающих идеологическим капиталом) или программных (обладающих идеологическим и административным капиталом) партий. Являясь наиболее выгодным механизмом доступа к властным позициям, такие партии кооптируют элиту и, одновременно с этим, ограничивают их автономию, поскольку элита становится связанной с партией обязательствами. В свою очередь, партия сильно зависит от электоральных предпочтений и не может себе позволить игнорировать их. Таким образом, программные и идеологические партии становятся посредниками во взаимосвязи элит с обществом. Элиты при этом имеют минимум автономии от социальных групп, поскольку от голосов избирателей зависит способность политиков удерживать свои властные позиции.

Неопатримониальный характер управления создает ситуацию ограниченной, но не максимальной автономии элит. В условиях неопатримониального управления и дефектного функционирования правовых норм главным каналом доступа к властным позициям становятся не программные или идеологические партии, а патрон-клиентистские сети. Конкуренция между политиками, автономными от общества, развивается не за голоса избирателей, а за расположение патрона, в сеть которого элита имеет стимулы кооптироваться для доступа к материальным ресурсам. Следствием этого является развитие клиентистских партий, которые не имеют идеологий, но обладают административным капиталом. Именно такие партии в виде проектов инкубентов («партии власти») или олигархические партийные клиентелы, наряду с неформальными институтами в виде патрональных сетей становятся главными проводниками доступа к властным позициям. Таким образом, в неопатримониальной среде элита избавляется от зависимости общественного контроля, но, будучи встроенной в патрон-клиентистскую сеть, сохраняет неформальную зависимость от своего патрона.

Предельно патримониальная модель управления максимально повышает уровень автономии элит, хотя абсолютная свобода и здесь в реальности имеет ограничения. Однако эти ограничения сводятся к минимуму и исходят либо от деспотичного правителя, использующего крайне персонализированные патримониальные управленческие практики, либо от локальных малых групп, которые выступают клиентелой и с которой связаны лидеры.

Следуя неопатримониальной парадигме, понятие «автономии элит» в работе совмещается с тремя возможными идеально-типическими моделями государственного управления. Это позволяет выделить три возможных значений этой переменной:

1) Бюрократическая модель. Характеризуется низкой степенью автономии элит, что подразумевает высокий уровень институционализации управления и доминирование рационально-легальных практик государственного администрирования в идеально-типической трактовке М. Вебера.

2) Неопатримониальная модель. Выражается в средней степени автономии элит и сосуществовании формальных бюрократических институций и неформальных патримониальных практик, основанных на персональных связях и патрон-клиентистских сетях.

3). Патримониальная модель. Означает высокую автономию элит и характеризуется преобладанием в администрировании неформальных, сильно персонифицированных управленческих практик с минимальным влиянием конституционализма и норм права.

Посредством соединения двух базовых переменных (степени конкуренции и автономии элит) определяются шесть возможных режимных типов (см. Таблица 1).

Таблица 1. Типология политических режимов

Конкуренция элит	Степень автономии элит		
	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)
Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия
Низкая	Султаннизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм

В условиях патримониального управления и в зависимости от уровня конкуренции элит, режимы делятся на *султанистский* и режим *атомизированного партикуляризма*.

В первом случае отсутствие формальных институций при низкой конкуренции элит приводит к возвышению деспота, властные полномочия которого не ограничены никакими формальными или неформальными рамками. Во втором случае в ситуации высокой конкуренции элит в сочетании с патримониальной институциональной средой приводит к атомизации элит, которые получают максимальную степень автономии, опираясь на свои ресурсы и локальные патрональные сети. Не подчиняясь ни центру, ни конкурирующим элитам они вступают друг с другом в борьбу по модели «войны всех против всех». Фактически данный режим атомизированного партикуляризма означает ситуацию гражданской войны и временного распада государственности. Таджикистан в период противоборства между региональными элитами в 1992-1997 гг. наиболее наглядно представляет суть данного режима, когда региональные лидеры и полевые командиры, основываясь на силовых ресурсах и личных локальных патрональных сетях, вступили в долговременную силовую схватку друг с другом. Однако Таджикистан отнюдь не является единственным

исключением, осуществившим режимную трансформацию через атомизированный партикуляризм. В более короткие хронологические периоды данный режим наблюдался также в кавказских республиках. В этой связи автор считает, что выделять данную режимную форму в рамках анализа постсоветских политических процессов вполне целесообразно и оправданно.

Неопатримониальный характер управления в зависимости от степени конкуренции элит приводит к двум возможным режимным типам: *неопатримониальному авторитаризму* или *неопатримониальной полиархии*. При низкой конкуренции элит возникает неопатримониальный авторитаризм, что означает наличие доминирующего актора, опирающегося на патрон-клиентистские сети и монополию на материальные ресурсы. Возникновение параллельных патрональных сетей, вышедших из-под контроля доминирующего игрока, характеризует режим патримониальной полиархии. Это приводит к более конкурентной электоральной борьбе часто с непредсказуемым электоральным исходом. В отличие от институциональной полиархии в данном случае при высоком уровне конкуренции основными политическими игроками остаются патрональные сети, расколотые по клановым, субэтническим, региональным или олигархическим основаниям. Доминирующими типами партий являются клиентистские. Режим неопатримониальной полиархии максимально соответствует гибридной (переходной) форме, включающей в себя элементы демократии. Однако дефектное функционирование демократических институтов не позволяет причислить эту режимную форму к разряду демократии и более логично рассматривать ее как разновидность авторитаризма.

Наконец, при сильных формальных институтах возможны режимы в виде *институционального авторитаризма* или *институциональной полиархии*. В обоих случаях элита имеет минимальную автономию. Однако в условиях низкого уровня конкуренции отсутствие автономии элит означает не подотчетность их обществу, а подчинение аппарату доминирующей партии. Данный режим соответствует советской системе партийной коммунистической монополии и являлся стартовой точкой трансформации всех постсоветских государств. Развитие институционализации и легально-рациональной бюрократии при высоком уровне конкуренции элит рождает режим в виде институциональной полиархии, максимально приближенный по набору параметров к модели, которую в рамках электоральных типологий принято обозначать в качестве «электоральной демократии». Из всех постсоветских государств на современном этапе данный режим сформировался только в трех государствах Балтии.

Операционализация понятия «уровень конкуренции элит» производится на основе официальных результатов электоральных исходов. Большая доля голосов за оппозиционных кандидатов является маркером, указывающим на значительный уровень элитной конкуренции. Низкие показатели альтернативного голосования позволяют сделать противоположное утверждение. Хотя в авторитарных режимах

электоральные предпочтения избирателей нередко искажаются, сама возможность правящей бюрократии манипулировать электоральными результатами говорит об ее административном могуществе и способности подавить элитные расколы, даже если они наличествуют. Таким образом, официальные результаты избирательного процесса на выходе дают информацию о том, насколько инкумбент контролирует альтернативные патрональные сети и способен предотвратить прорыв аутсайдеров в публичное политическое пространство.

Электоральным порогом, определяющим низкий уровень элитной конкуренции, предлагается считать победы инкумбента с результатом не менее 65% поддержки избирателей. При оценке выборов legislatures, это означает, что возможность инкумбента обеспечить контроль над 65% местами депутатского корпуса говорит о низкой элитной конкуренции. Этот контроль инкумбент может реализовать как посредством доминирующего представительства «партии власти», так и с помощью конгломерата союзнических партий (картеля) и аффилированных с инкумбентом кандидатов-одномандатников, избранным по мажоритарным округам. Это же значение является показателем низкого уровня элитной конкуренции при электоральном исходе президентских выборов. Факт победы кандидата с поддержкой избирателей не менее 65% говорит о низкой элитной конкуренции. Исход президентских выборов, при которых победитель получил менее 65% голосов избирателей, указывает на сохранение высокой конкуренции элит.

Вторую переменную, указывающую на соотношение формальных и неформальных институтов, ограничивающих автономию элит, предлагается операционализировать посредством данных об уровне коррупции. Для оценки этого показателя используются индексы Всемирного Банка (WB) (Control of Corruption Index) и данные центра Transparency International (TI), ежегодно публикующего рейтинги стран, распределенных согласно разработанному специалистами этого центра «индексу восприятия коррупции» (Corruption Perception Index).

С целью надежности измерения автор исходит из принципа равной ценности обоих индексов. Это означает, что для причисления режима к разряду институционального, равно как и к неопатримониальному, соответствующие индексы не должны противоречить друг другу. При наличии противоречий фиксируется тот показатель, который является более низким, исходя из допущения, что наличие сильных формальных институтов является менее реалистичным фактом, требующим признания большинством экспертных служб, а не только отдельными из них.

Кроме этого, вводится ограничение хронологического порядка. Поскольку формальная институционализация требует времени, к разряду институциональных относятся только такие режимы, относительно которых соответствующие индексы наблюдаются не менее чем на протяжении пяти лет. Данное ограничение позволяет избежать ошибок измерения, которые

могут быть вызваны определенными ситуативными факторами, которые случаются в процессе общественного развития.

Если рассмотренные индексы вполне релевантны для разграничения режимов на неопатримониальные и институциональные, то грань между чистым патримониализмом и неопатримониальной формой авторитарного режима количественной методикой оценить весьма сложно. Поэтому для идентификации этого рода режимов используются качественные показатели.

Критерием определения султанизма предлагается считать наличие правовой нормы, закрепляющей пожизненный статус главы государства. Посредством этого правитель фактически освобождает себя от ограничения в виде выборов, что приводит к особой логике функционирования авторитарного режима. В отсутствие необходимости подтверждать свой статус доминирующего игрока, правитель минимизирует свою зависимость как от общества, так и от подчиненной ему клиентуры, превращаясь в абсолютного деспота, вполне сопоставимого с классическими моделями неограниченной монархии. Среди постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа подобная норма была принята только в Туркменистане в 1999 г. в отношении президента С. Ниязова и действовала вплоть до его смерти в 2006 г. Таким образом, режим Туркменистана в период 1999-2006 гг. можно определить как султанистский.

Атомизированный партикуляризм также невозможно определить с помощью количественных процедур, но легко фиксируется на основе экспертных данных. Понимая данный авторитарный режим как максимальный уровень персонализма при высокой элитной конкуренции, что приводит к ослаблению центральной власти и силовому противостоянию между главными политическими игроками, в данной работе фиксируется наличие данного режима при условии открытого военного конфликта в рамках отдельной политики. Другими словами, рамки начала и окончания гражданской войны, либо локального ограничения силового конфликта, являются вполне четкими параметрами, позволяющими определить режим в стадии атомизированного партикуляризма и время перехода его в другую фазу.

В период постсоветского развития государств Центральной Азии и Кавказа режим атомизированного партикуляризма фиксируется в трех случаях. 1. Азербайджан пережил этот режим в период противостояния полевых командиров с президентом страны А. Эльчибеем (1992-1993). 2. Грузия прошла фазу атомизированного партикуляризма в период противостояния полевых командиров с президентом страны З. Гамсахурдия (1992). 3. Таджикистан был ввергнут в гражданскую войну между региональными элитами. Это событие можно оценить в категориях атомизированного партикуляризма.

Во втором параграфе «Динамика режимных трансформаций постсоветских стран Центральной Азии и Кавказа» разработанная типология и критерии измерения используются для кодирования режимных форм постсоветских государств исследуемого региона и анализируется

режимная динамика изучаемых случаев в период их независимого политического развития.

На основе проведенного анализа режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа удалось выявить следующее.

С точки зрения количества режимных переходов все восемь государств демонстрируют разный уровень устойчивости: от одного режимного перехода в случаях Узбекистана и Армении, до пяти в Грузии. Хотя формально Туркменистан совершил три перехода (от неопатримониального авторитаризма к султанизму и обратно), фактически в данном случае можно говорить об аналогичной устойчивости. Случаи Казахстана, Азербайджана и Кыргызстана также скорее говорят об устойчивости их режимных форм. В Казахстане и Азербайджане, где фиксируются 3 и 4 перехода соответственно, режимная динамика происходила в относительно короткий период неопределенности, которая завершилась консолидацией авторитаризма к 1993 г. в Азербайджане и к 1995 г. в Казахстане. Что касается Кыргызстана, то режимные колебания данного случая хотя и в другой хронологический отрезок, но также носили кратковременный характер, не превышающий трех лет. Наибольший уровень режимных колебаний фиксируется в Таджикистане (четыре перехода) и Грузии (пять переходов).

В целом среди стран Центральной Азии и Кавказа можно отметить наличие режимной устойчивости двух основных форм, которые являются для анализируемых случаев модальными. Это режим неопатримониального авторитаризма и неопатримониальной полиархии. Данные режимные формы свойственны разным группам стран, но при своей консолидации они одинаково демонстрируют устойчивость и долговременность.

Для пяти стран устойчивым режимным типом является неопатримониальный авторитаризм. Он характерен для Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Казахстана и Таджикистана. В Узбекистане данный тип остается неизменным с начала независимого развития и уже существует в течение 22 лет (1991-2013). В Туркменистане неопатримониальный авторитаризм прерывался периодом султанизма (1999-2006), но если считать последний режим лишь модификацией авторитаризма, то можно признать, что долговременность авторитаризма в этой стране насчитывает 23 года (1990-2013). В Азербайджане неопатримониальный авторитаризм стал исходом периода неопределенности и с 1993 г. функционирует стабильно в течении 20 лет. В Казахстане период неопределенности продолжался несколько дольше, но после консолидации неопатримониального авторитаризма к 1995 г. данный режимный тип также функционирует без существенных колебаний на протяжении 18 лет. В Таджикистане в связи с продолжительной гражданской войной неопатримониальный авторитаризм достиг консолидации лишь к 1999 г. Однако, как и в других случаях, после формирования он стал достаточно устойчивой режимной формой и остается неизменным в этой стране уже на протяжении 14 лет.

Режим неопатриманиальной полиархии свойственен для трех стран рассматриваемого региона: Армении, Грузии и Кыргызстана. Можно отметить, что данный режимный тип демонстрирует сравнительно меньшую устойчивость. Как показывает опыт постсоветского развития Грузии и Кыргызстана, именно в рамках данной режимной среды создаются благоприятные условия для «электоральных революций», итогом которых стали режимные колебания.

Вместе с тем те же самые случаи Грузии и Кыргызстана позволяют сделать вывод, что данный режимный тип хотя и является менее устойчивым, но одновременно создает некие ограничения, препятствующие авторитарной консолидации. Так, установленный К. Бакиевым режим неопатримониального авторитаризма в Кыргызстане просуществовал только три года (2007-2010), вновь перейдя к неопатримониальной полиархии. Подобную тенденцию можно наблюдать и на примере Грузии, где после долговременного функционирования неопатримониальной полиархии переход к авторитаризму оказался лишь эпизодом, не превышающим хронологические рамки в четыре года (2004-2008), после чего режим вновь принял форму неопатримониальной полиархии.

Режим неопатримониальной полиархии хотя и является менее стабильным, чем неопатримониальный авторитаризм, тем не менее, также способен функционировать достаточно долго. Так, случай Армении говорит об устойчивости и долговременности этой режимной формы. Сформированный к 1991 г., в этой стране он остается стабильным в течение 22 лет, что вполне сопоставимо со случаями постсоветских стран неопатримониального авторитаризма. Хотя в Грузии и Кыргызстане данный режим и демонстрирует некоторую волатильность, тем не менее, в этих странах он показал способность существовать достаточно длительный период времени. Так, в Кыргызстане до «тюльпановой революции» данный режимный тип функционировал на протяжении 16 лет (1991-2007). В Грузии до событий «революции роз» режим неопатриманиальной полиархии оставался неизменным на протяжении 12 лет (1992-2004).

В третьей главе «Факторы устойчивости авторитаризма», состоящей из двух параграфов, на основе критического анализа существующих теорий рассматриваются основные факторы, влияющие на стабильность авторитарных режимов. Проведен анализ постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа с точки зрения набора структурных и процедурных факторов, а также предложена теоретическая модель, раскрывающая причинно-следственные связи устойчивости и динамики политических режимов в исследуемом регионе.

В первом параграфе «Структурные факторы устойчивости авторитаризма» рассматриваются структурные факторы, определяющие стабильность авторитарных режимов и проведен анализ постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа с точки зрения конкретного набора структурных факторов.

Критический обзор существующих в политической науке теорий, указывающих на влияние различных структурных факторов на устойчивость и динамику политических режимов, позволил выделить одиннадцать главных структурных параметров, которые были использованы для анализа постсоветских стран сквозь призму их наличия или отсутствия на старте режимных переходов. К указанным структурным факторам отнесены: европейское влияние; тип режима в рамках советской политической системы; опыт независимой досоветской государственности; уровень досоветской грамотности населения; степень влияния национализма; наличие этнических расколов; наличие субэтнических и региональных расколов; влияние оппозиционных религиозных течений; уровень благосостояния населения; уровень урбанизации; наличие сырьевых ресурсов.

Анализ структурных факторов произведен посредством их кодирования и суммирования для каждого исследуемого случая. Руководствуясь теоретическими положениями, объясняющими причинно-следственные связи влияния структурных параметров на устойчивость авторитаризма, каждый из факторов был кодирован значениями от 0 до 1. При наличии структурного условия, благоприятного для консолидации автократии, данный факт кодировался значением 1. При отсутствии такового, присваивалось значение 0. При амбивалентных или переходных характеристиках структурного параметра также использовалось значение 0,5.

Сравнение суммы баллов оценки структурных параметров и политических исходов в виде режимного типа исследуемых случаев на конец 2013 г. позволило сделать вывод о высокой корреляции между набором структурных параметров и конечным режимным типом. В случаях с более благоприятными структурными условиями для устойчивости авторитаризма, в которых сумма баллов примерно соответствует диапазону от 7 до 10, наблюдается формирование авторитарных режимов.

В тоже время, в работе делается заключение, что анализ структурных факторов не позволяет объяснить динамику и разные траектории режимного развития государств, имеющих на старте политических переходов примерно равный набор структурных параметров. Так, при равенстве суммы в восемь баллов структурных параметров в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане и Кыргызстане, режимные траектории и способы авторитарной консолидации в этих странах оказались различными. Несмотря в целом на схожую совокупность структурных параметров этих стран, случай Кыргызстана показывает, что это не помешало диверсификации политических исходов и формированию более конкурентного режима в этой стране в виде неопатримониальной полиархии.

Автор приходит к выводу, что для учета специфических характеристик авторитарных и гибридных режимов требуются такая оптика анализа, которая позволяет зафиксировать не только самые общие тренды, но и особенности авторитарной консолидации на уровне микрополитики. Это требует анализа стратегических действий отдельных политических акторов и учета не только структурных, но и процедурных факторов.

Во втором параграфе «Процедурные факторы устойчивости авторитаризма» рассматриваются процедурные факторы, определяющие стабильность авторитарных режимов, а также представлена теоретическая модель, раскрывающая причинно-следственные взаимосвязи между структурными и процедурными факторами, детерминирующими устойчивость и динамику политических режимов постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа.

Следуя концептуальным положениям Дж. Герчевски о трех ключевых стратегиях автократа (легитимация, репрессии и кооптация), в работе выделены основные функции, которые выполняют эти стратегии по отношению к трем основным субъектам взаимодействия авторитарного лидера. Для анализа факторов устойчивости и режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа в работе разработана теоретическая модель. Ее основными элементами являются следующие положения.

Взаимодействия авторитарного правителя связаны с тремя основными политическими акторами: электоратом, инсайдерами и аутсайдерами. Ключевым процедурным фактором стабильности авторитарного режима является способность политического лидера сформировать лояльную властвующую коалицию, включающую в себя основные сегменты влиятельных элит (инсайдеров). Устойчивость авторитаризма зависит также от лояльности основных социальных групп (электората), степени маргинализации оппозиции и слабости элитных сегментов, не включенных в состав властвующей коалиции (аутсайдеров). Достижение этих задач связаны с возможностью лидера проводить три основные стратегии: кооптацию, репрессии и легитимации, соблюдая пропорциональность и своевременность их применения.

В работе систематизированы и обоснованы основные функции трех стратегий, обеспечивающих устойчивость авторитаризма, по отношению к трем ключевым политическим акторам, с которыми взаимодействует инкубент. Автор также указывает, что эти три ключевые стратегии авторитарного лидерства не лишены рисков. *Риски стратегии кооптации* связаны с тем, что интеграция новых элитных фракций в состав властвующей коалиции увеличивает внутриэлитную конкуренцию, что может привести к разрушению устойчивости авторитарной конструкции. Кооптационные механизмы требуют экономических затрат, поскольку обеспечивают лояльность инсайдеров за счет распределения ренты. Это ведет к росту коррупции и общей экономической неэффективности, что является чрезвычайно критичным фактором для стабильности режима в ситуации экономического кризиса. Кроме того, стратегия кооптации приводит к росту влияния наиболее успешных инсайдеров, которые за счет привилегий в разделе ренты становятся обладателями существенных ресурсов, которые они могут в любой момент обратить против авторитарного лидера. Это может привести к смещению акцентов в подборе кадров ближайшего круга автократа, который отдает предпочтение лояльности, в ущерб

компетентности. Таким образом, решая задачу укрепления своей личной власти, диктатор порождает более фундаментальные проблемы системного характера, связанные с общей некомпетентностью и неэффективностью государственного управления, что, в свою очередь, также может завершиться разрушением властвующей коалиции в силу экономических потрясений.

В контексте применения кооптации по отношению к аутсайдерам риски также связаны с ростом внутриэлитной конкуренции. Особенно данный фактор начинает играть существенную роль в процессе смены поколений. Стремясь канализировать новую генерацию политиков и бизнесменов в подконтрольное русло и, кооптируя их в состав властвующей коалиции, авторитарный лидер порождает проблему обострения конфликта между амбициозными новыми элитами и «старой гвардией», не желающей терять свои привилегированные позиции.

Наконец, кооптируя в состав властвующей коалиции более широкие социальные слои, режим может не только достичь цели увеличения лояльности различных социальных групп, но и получить обратный эффект в виде роста критики власти. Связано это с тем, что расширение круга инсайдеров посредством различного рода квазинезависимых организаций объективно ведет к политизации населения и появлению независимо от воли автократа разного рода автономных игроков и дискуссионных площадок.

Риски стратегии репрессий определяются ростом стимулов перехода в оппозицию инсайдеров. Репрессии входят в противоречие с механизмами кооптации, поскольку могут привести к объединению «системной» и «несистемной» оппозиции на основе негативного консенсуса. Таким образом, стратегия репрессий стимулирует дезертирство элит из стана властвующей коалиции в лагерь аутсайдеров, что усиливает оппозицию и может стать существенной угрозой авторитарной власти.

Репрессивные практики против аутсайдеров ведут к радикализации действий оппозиции, поскольку чрезмерное силовое давление или ограничения пространств свободы вынуждают аутсайдеров прибегать к неконвенциональным методам политической борьбы. Те же самые закономерности работают и в отношении электората. Усиление репрессий по отношению к широким слоям населения с целью повышения цены их политической активности могут иметь обратный эффект, когда отчаянная ситуация постоянного угнетения и отсутствие институциональных каналов выражения своих требований, вынуждает социальные группы прибегать к насильственным методам борьбы против режима.

Риски стратегии легитимации связаны с увеличением роли идей в политике и может привести к тому, что идеологическое противостояние может обернуться против авторитарного лидера. Аутсайдеры могут воспользоваться идеологическими клише, культивируемыми режимом, для того чтобы наглядно показать несоответствие режима тем нормативным ценностям, которые он пропагандирует. В результате идеи могут стать средством дискредитации реальной сущности режима и ослабить его возможности пропаганды. Наконец, инсталляция идеологии как средства

легитимации режима объективно ведет к политизации масс, что в кризисной ситуации может оказаться скорее проблемой, чем благом для сохранения власти диктатором.

В работе делается вывод, что устойчивость авторитаризма зависит не только от совокупности структурных факторов, но и от возможностей правителя использовать вышеуказанные стратегии для консолидации и стабилизации своей власти. При этом, эффективность авторитаризма связана не только с силовыми ресурсами и возможностями репрессивного подавления противников, но не в меньшей степени с умением авторитарного лидера использовать весь комплекс описанных стратегий в адекватной пропорции. Злоупотребление в применении только одной из трех возможных стратегий приводит к рискам дестабилизации режима по указанным выше причинам.

В тоже время, возможность использования всего комплекса стратегий во многом зависит от объективных условий и «наследия прошлого». Политические лидеры приходят к власти в различных условиях, обладая разным комплексом возможных активов и получая в наследство от предыдущего режима специфическую элитную конфигурацию и структуру распределения ресурсов между основными политическими акторами. Поэтому устойчивость авторитарного режима обусловлена как процедурными аспектами стратегического плана, так и объективными обстоятельствами, связанными со спецификой существующих структурных факторов.

Процируя указанные теоретические положения на эмпирический опыт постсоветского политического развития государств Центральной Азии и Кавказа, автор выдвигает гипотезу, согласно которой одним из важнейших факторов, определившим развитие постсоветских режимов и их диверсификацию, является сложившаяся к началу постсоветских трансформаций *конфигурация политических элит*, которая задавала определенные возможности и ограничения для реализации идеальной стратегии авторитарного правителя.

Благоприятной для становления доминирования авторитарного правителя является фрагментированная структура элит, которая в большей степени позволяет правителю балансировать на противоречиях элитных фракций и сохранять свои властные позиции. Биполярная элитная констелляция становится фактором, ограничивающим возможности аквтократа для выстраивания широкой властной коалиции.

В свою очередь, структура элит на старте постсоветских режимных трансформаций обуславливалась *наследием прошлого* и определялась наличием или отсутствием трех факторов: 1) степенью национальной консолидации населения; 2) фактором опыта регионального доминирования; 3) характером ротации элит в период перестройки.

На этапе режимной консолидации ключевую роль играют другие факторы. В работе отмечается, что политические режимы неопатримонального авторитаризма (равно как и султанизма) и

неопатримониальной полиархии отличаются друг от друга характером выстроенной патрональной сети, на которую опирается авторитарный правитель. Режим неопатримониального авторитаризма, характеризующийся широкой властной коалицией, требует наличия больших экономических ресурсов, контролем над которыми обладает инкумбент. При наличии данного фактора, что в постсоветских условиях напрямую связано с уровнем обеспеченности государства сырьевыми источниками, авторитарный лидер получает возможность сформировать патрональную сеть *кооптационно-ресурсного типа*, суть которой заключается в том, что лояльность элит основывается на механизмах кооптации и распределения экономической ренты.

В условиях дефицита экономических ресурсов авторитарный правитель, будучи не в состоянии сформировать кооптационно-ресурсный патронаж, вынужден в большей степени прибегать к стратегии устрашения и репрессий, с целью удержания лояльности инсайдеров. Результатом становится выстраивание модели *репрессивно-хищнического патронажа*, которая характеризуется узкой властной коалицией и свойственна режимной форме неопатримониальной полиархии.

В четвертой главе «Факторы устойчивости и режимной динамики постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа на этапе неопределенности», состоящей из трех параграфов, представлен анализ факторов устойчивости и режимной динамики восьми исследуемых случаев на этапе крушения коммунистической власти и утверждения новых постсоветских режимов. Все восемь случаев разделены на три группы, согласно базовым моделям политического развития в указанный период: 1. Модель смещения инкумбента аутсайдерами (Азербайджан, Армения, Грузия,); 2. Модель замещения инкумбента медиаторами (Таджикистан, Кыргызстан); 3. Модель устойчивости инкумбента (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан).

В первом параграфе «Факторы смещения инкумбента аутсайдерами в Азербайджане, Армении, Грузии» рассматриваются факторы, определившие нестабильность политических режимов в Азербайджане, Армении и Грузии в период постсоветской неопределенности.

На основе анализа эмпирического материала политического развития *Азербайджана* в период 1988-1993 гг. показано, что невозможность инкумбента в лице первого секретаря республиканской компартии А. Везирова использовать весь комплекс стратегических действий для устойчивости режима, предопределили кризисную ситуацию в республике и отстранение его от должности. Имея существенные ограничения со стороны центра, А. Везиров был стеснен в спектре стратегических механизмов по расширению своей властной коалиции. Репрессии явно преобладали над кооптационными практиками, что не могло не вызвать противодействия местных элит. Связанный своими обязательствами с Москвой, новый руководитель Азербайджана также не мог увеличить свою легитимность

среди населения. Привязка к коммунистической идеологии и вынужденное разделение ответственности за непоследовательный с точки зрения большинства азербайджанцев курс Москвы по отношению к карабахскому конфликту влекли существенные репутационные издержки. В результате идеологический ресурс стремительно перетекал к политическим силам аутсайдеров в виде националистических движений, которые заметно наращивали свое влияние.

Новый назначенец Москвы А. Муталибов руководил Азербайджаном в период распада СССР (1990-1992 гг.) и, в отличие от своего предшественника, имел куда более широкий набор возможностей для выстраивания своей патрональной сети, а также использования новых механизмов легитимации. Во-первых, благодаря кадровым «чисткам» А. Везирова политическая элита Азербайджана оказалась ослабленной и фрагментированной, что облегчало применение стратегии «разделяй и властвуй», балансируя на противоречиях элитных фракций. Во-вторых, в новых условиях распада СССР и крушения КПСС он получал широкое пространство для маневра в плане изоляции от коммунистического прошлого, формирования своей легитимности на основах идеологии умеренного национализма, независимости Азербайджана, а также синкретических идей из области социал-демократии (социального государства и стабильности), религиозной нравственности. В-третьих, в условиях временного снижения массовой мобилизации после установления чрезвычайного положения в январе 1990 г. он мог приступить к кооптации одних оппозиционных аутсайдеров и маргинализации других, раскалывая оппозицию на системную и внесистемную, в целом ослабляя ее.

Все перечисленные стратегии А. Муталибовым были использованы и он достиг определенной стабилизации режима. Применяв более комплексную стратегию по расширению властной коалиции, используя кооптацию и точечные репрессии, а также добившись успехов в легитимизирующих символах своей власти, А. Муталибов в целом смог консолидировать режим и ослабить влияние оппозиционных аутсайдеров. Однако появившиеся контуры консолидации режима были разрушены новым обострением конфликта с Арменией. Успехи армянской армии на нагорно-карабахском фронте в феврале 1992 г. и потери азербайджанских военных сил привели к новой волне массовой мобилизации под руководством оппозиции, которая неконвенциональным путем сместила инкумбента и захватила власть.

Таким образом, падение режима А. Муталибова было не столько результатом его ошибок в области стратегии формирования властной коалиции и легитимации, сколько невозможностью в условиях чрезвычайной военной ситуации нейтрализовать силовой потенциал аутсайдеров.

Новый глава Азербайджана А. Эльчибей продержался у власти только год и также пал в силу невозможности установить контроль над атомизированными силовыми акторами. Этому способствовала и выбранная стратегия нового лидера, которая опиралась только на репрессии и не

предполагала никаких кооптационных стратегий по формированию широкой властной коалиции.

С приходом к власти Г. Алиева ситуация атомизированного партикуляризма постепенно стала ликвидироваться. Стратегию нового президента можно назвать идеальной с точки зрения укрепления своей единоличной власти. Искусно совмещая механизмы легитимации, кооптации и репрессий, он достаточно быстро трансформировал режим от атомизированного партикуляризма к неопатримониальному авторитаризму.

В отличие от Азербайджана, *Армения*, представляет собой случай, когда по итогам выборов республиканских legislатур 1990 г. коммунистическим инкумбентам не удалось удержать власть. Этому способствовали как структурные факторы, так и факторы процедурного порядка. В отличие от А. Везирова, первый секретарь ЦК КП Армянской ССР С. Арутюнян и значительная часть республиканского коммунистического истеблишмента в Армении довольно сочувственно относились к националистическому движению. Однако союз между местными коммунистами и националистами имел важные внутривластные последствия. Большая часть старой элиты сохранила свои позиции. Отбросив коммунистическую риторику, она продолжала опираться на локальные патрональные сети, особенно прочные в аграрных регионах. Это позволило ей сохранить свое присутствие в legislатуре. В результате Верховный Совет оказался расколотым на фракцию старой элиты экс-коммунистов и аутсайдеров. Для сохранения власти избранный от оппозиции президент Л. Тер-Петросян вынужден был опираться не только на личную харизму, но и на идеологический ресурс партии. Влияние последней ограничивало его автономию. Недостаточность экономических ресурсов и общая тяжелая социально-экономическая ситуация, усугубляемая военным противостоянием с Азербайджаном, не позволяли добиться президенту полного доминирования. Структура элит после прорыва аутсайдеров приобрела вид биполярности, что сокращало для правителя возможности формирования широкой властной коалиции и использования стратегии «разделяй и властвуй». Таким образом, несмотря на уверенную победу на президентских выборах, Л. Тер-Петросян не обладал достаточными ресурсами для полного контроля над legislатурой.

Дальнейший ход политического развития лишь усугубил элитные расколы и «заморозил» конфликтные противоречия, осложнив выстраивание эффективной властной коалиции для президента. Силовой конфликт Армении с Азербайджаном содействовал усилению роли военных, которые стали достаточно сплоченной и значимой силой, интегрировавшись в политические структуры. Связи с политическими элитами позволила многим «военным ветеранам» стать бенефициариями приватизации, что усилило их экономическое влияние.

Все указанные факторы «замораживали» ситуацию «плюрализма по умолчанию» и не позволяли президенту добиться полной кооптации элитных сегментов, которые сохраняли экономическую и политическую автономию.

В результате итогом периода неопределенности стала режимная конфигурация в виде неопатримониальной полиархии.

В Грузии, подобно Армении, потеря власти коммунистическим инкумбентом в большей степени была обусловлена факторами структурного порядка, связанными с наследием прошлого и высоким уровнем национальной консолидации общества, что в условиях девальвации коммунистической идеологии стало значимым ресурсом аутсайдеров, которые смогли конвертировать его в электоральных успех. Ни стратегия союзничества как в Армении, ни опора на репрессии не смогли предотвратить прорыва аутсайдеров в Грузии. Однако, если в Армении старая элита, посредством своей идеологической трансформации, смогла кооптироваться в новую политическую реальность и частично сохранить свои властные позиции, то в случае Грузии приход аутсайдеров стал для коммунистических элит полным фиаско и завершился их полным вытеснением за рамки власти.

Пришедший к власти аутсайдер З. Гамсахурдия приступил к широкой ротации элит, смещая коммунистов с постов и замещая их своими ставленниками. Политический процесс, однако, к этому времени вышел за институциональные рамки и в большей мере определялся борьбой между силовыми бизнес-группами, использующими прямое насилие друг против друга. После краха коммунистической системы и установления неопатримониального авторитаризма, режим в силу указанных выше факторов стремительно трансформировался в атомизированный партикуляризм. Опора только на репрессии и дефицит как кооптационных, так и легитимационных практик, привели к неконвенциональному смещению с должности З. Гамсахурдия и возвращению в качестве главы государства Э. Шеварднадзе. Используя гибкие стратегии кооптационного характера, Э. Шеварднадзе выстроил более стабильную конфигурацию власти. Тем не менее, наследие периода атомизированного партикуляризма и дефицит экономических ресурсов не позволяли президенту полностью подавить автономию ряда политических акторов. Политическим исходом в Грузии стало формирование неопатримониальной полиархии. Это сближало данный случай скорее с траекторией Армении, чем Азербайджана.

Во втором параграфе «Факторы замещения инкумбента медиаторами в Кыргызстане и Таджикистане» рассматриваются факторы, определившие режимные переходы по модели смещения инкумбентов, но не со стороны аутсайдеров, а посредством замещения их компромиссными для всех элитных фракций фигурами (медиаторами). Данные примеры представлены случаями Кыргызстана и Таджикистана.

Кыргызстан является примером наличия такого фактора, как традиции регионального доминирования. Именно данная причина обусловила биполярную структуру элит накануне старта трансформации. Еще одним фактором, повлиявшим на данную элитную констелляцию, стал характер элитной ротации, исходившей от союзной власти в период перестройки.

В советский период вплоть до 1985 г. в элите доминировали представители севера во главе с первым секретарем компартии Т. Усубалиевым. С приходом к власти М. Горбачева он был смнен на «южанина» А. Масалиева, который приступил к кадровым чисткам. За два года правления нового секретаря в республике было смнено 80% кадрового состава партийного аппарата всех уровней. Это привело к обострению элитного соперничества и фронде со стороны региональных элит Севера. В условиях минимального влияния национальных движений и оппозиционных аутсайдеров, именно внутриэлитное соперничество и субэтнические расколы стали главными вызовами для инкумбента. Когда Верховный Совет по союзному образцу приступил к избранию претендентов на введенную новую должность президента, представители Севера решились дать бой «южанину» А. Масалиеву, в результате он не смог набрать нужного количества голосов. В итоге депутаты большинством голосов избрали президентом главу республиканской Академии Наук и выходца из Севера - А. Акаева, который воспринимался конфликтующими элитными группами как компромиссная фигура.

Таким образом, объективные расколы и биполярность элит привели к возвышению медиатора, компромиссный статус которого стабилизировал межэлитные противоречия, но не ликвидировал их. Этот фактор имел следствие в виде ограничения власти правителя, поскольку ни одна из элитных фракций не подчинялась президенту полностью. В результате в Кыргызстане сформировался режим неопатримониальной полиархии.

В *Таджикистане* несмотря на внешнюю монолитность элиты в рамках коммунистической партии, большую роль в политической конкуренции играли не формальные и идеологические границы, а регионально-клановые расколы, которые стали проявлять себя все более интенсивно. Инсталлированный пост президента не содействовал интеграции противоречивых интересов региональных элит, а, напротив, программировал обострение политической борьбы по модели «игры с нулевой суммой».

В работе указывается, что наряду с целой совокупностью факторов, способствующих началу гражданской войны в Таджикистане, одной из ее причин являлась структура элит и оценки разных элитных фракций относительно их притязаний на власть, что обусловило выбор силовых стратегий двух противоборствующих сторон. В отличие от других постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа, советское наследие в Таджикистане диктовало сохранение элитного баланса с примерно равномерным распределением мест. Новая политическая повестка, выдвинутая оппозиционными силами и связанная с интеграцией в политическое поле требований демократизации и увеличением роли ислама, заставила инкумбент действовать более репрессивно, не прибегая к кооптационным практикам. Это, в свою очередь, явилось стимулом для интеграции и радикализации оппозиционных сил. Решимость борьбы оппозиции обуславливалась не только репрессивным давлением власти, ставившим перед оппозицией выбор – либо максимальные издержки от

поражения, либо силовая борьба до победного конца, но и осознанием оппозицией своей силы. Наглядной демонстрацией этого факта стали результаты президентских выборов, по итогам которых кандидат от оппозиции получил существенную поддержку (31,5%), что говорило о наличии потенциала массовой мобилизации и легитимизировало притязания оппонентов инкубентов на власть.

Что немаловажно в контексте социальных реалий Центральной Азии, оппозиция интегрировала не только значимую совокупность политических лидеров, но и исламских авторитетов. Так, в Таджикистане глава Духовного управления мусульман Ходжи Акбар Тураджонзода поддержал оппозицию и стал одним из лидеров Объединенной Таджикской Оппозиции.

В 1993 г. началось противостояние внутри властной коалиции между элитами Ленинабада и Куляба. В институциональном плане политическая борьба была похожа на противостояние между ветвями исполнительной и законодательной власти. Однако по большей части борьба определялось регионально-территориальными противоречиями между элитами Ленинабада, которые стали контролировать правительство, и выходцами из Куляба, которые доминировали в легислатуре. Необходимость бороться с оппозицией вынуждали обе группировки идти на компромиссы, поскольку ни одна из властвующих сил не имела монополии на ресурсы. Элиты севера добились преимущества в экономических активах, в то время как силовой ресурс был на стороне Куляба. Сохранить компромисс решили с помощью избрания верховного арбитра. Поэтому в 1994 г. пост президента был реанимирован и на выборах того же года президентские выборы выиграл спикер парламента Э. Рахмонов, получив 58,8% голосов.

Автор приходит к выводу, что общие факторы, связанные с элитной биполярностью и традициями регионального доминирования, объединяют Кыргызстан и Таджикистан с точки зрения обострения элитных противоречий, замещения инкубентов и возвышения медиаторов. В обоих случаях данный сценарий создавал ограничения для доминирования политических лидеров, получивших власть не в результате наличия особых ресурсов и прочной опоры в виде властной коалиции, а в следствии патовой ситуации конфликта между двумя полюсами элитных группировок, расколотых по региональному основанию. Поэтому общим итогом этих двух случаев стало установление режима неопатримониальной полиархии.

В третьем параграфе «Факторы устойчивости инкубента в Казахстане, Узбекистане, Туркменистане» рассматриваются факторы, определившие режимную стабильность и сохранение власти инкубентов на эмпирическом материале Казахстана, Узбекистана и Туркменистана.

Сравнительный анализ данных случаев показал, что устойчивость инкубента и становление авторитаризма в этих странах определялись следующими факторами: наличием фрагментированной элитной структуры и стратегическими действиями политических лидеров, которые наряду с репрессиями искусно использовали стратегии кооптации и легитимации.

Так, в *Казахстане* Н. Назарбаев удачно использовал протестный потенциал общества в отстаивании республиканских интересов перед Союзной властью и тем самым укрепил свой авторитет внутри страны. В целом ему удалось перехватить основные оппозиционные лозунги и минимизировать реальное политическое влияние общественных движений. Наложение идеологических, этнических и субэтнических расколов делали элиту Казахстана в большей степени фрагментированной, нежели биполярной. Это позволяло Н. Назарбаеву балансировать на противоречиях элитных фракций и укреплять свои властные позиции. Задачу концентрации своей личной власти и ослабления легислатуры президент Казахстана осуществлял не столько с помощью силового давления, сколько на основах кооптации и патронажа.

Подобным образом в *Узбекистане* политика И. Каримова в период неопределенности характеризовалась примирением со старыми элитами и перехватом оппозиционных лозунгов. С одной стороны, пользуясь ослаблением влияния Москвы, президент прекратил преследования и чистки старых элит, с другой, стал артикулировать в умеренной форме требования националистов по защите узбекской культуры и большей автономии республики. Он также вступил в диалог с представителями оппозиции, после чего искусно применил стратегию кооптации и репрессий, приведших к расколу и ослаблению оппозиции. Существенным отличием стратегии И. Каримова от случая Р. Набиева в Таджикистане являлось то, что он сразу инкорпорировал в свою идеологию элементы традиционного ислама и кооптировал в правящую коалицию духовных исламских лидеров, не позволив им перейти в лагерь оппозиции и использовать религию в политических целях. Например, мулла Г. Абдуллаев был назначен главой Комитета по вопросам религии, входящим в состав кабинета министров. Впервые в современной истории Узбекистана религиозный деятель был включен в систему власти.

Таким образом, стратегические действия инкумбента позволили минимизировать дестабилизирующие аспекты периода неопределенности и сохранить устойчивость авторитарной конструкции режима в Узбекистане. Переход произошел от институционального авторитаризма в форму неопатримониального авторитаризма. И. Каримов использовал весь комплекс стратегий (кооптацию, репрессии, легитимацию), ослабив позиции ключевых автономных игроков и укрепив свое положение как доминирующего актора. Поэтому, несмотря на существование ряда факторов уязвимости, главными из которых были влияние ислама и появление ряда оппозиционных организаций, инкумбент вовремя купировал возможности аутсайдеров использовать их в качестве атаки на режим по модели Таджикистана. Существенным фактором, облегчающим задачу авторитарного лидера, являлась фрагментированная структура элит. Это позволило инкумбенту более эффективно использовать кооптационную стратегию для интеграции элитных фракций в единую патрональную сеть, увеличить уровень их

лояльности и пресечь все попытки выхода их из-под контроля доминирующего игрока.

Этот же фактор наблюдается в *Туркменистане*, где региональные и родоплеменные элитные группы были фрагментированными. Ни одна из них не обладала существенным и однозначным превосходством, способным им претендовать на место доминирующего актора. Именно поэтому фигура равноудаленного С. Ниязова представлялась для всех компромиссной и наиболее предпочтительной. Это обусловило замыкание всех патрональных сетей на фигуру первого секретаря и его полную поддержку со стороны всех элитных сегментов. Именно поэтому Туркменистан фактически смог избежать периода неопределенности и от партийного авторитаризма советской эпохи, минуя стадию атомизированного партикуляризма, сразу же двинуться по траектории консолидации нового авторитаризма. Однако, поскольку роль личности С. Ниязова как верховного арбитра в условиях латентной, но достаточно интенсивной конкуренции элит, была чрезвычайно велика, режим сразу же стал принимать более радикальные персоналистские формы султанизма.

На основе анализа случаев в период неопределенности автор приходит к выводу, что выдвинутые гипотезы о значимости формирования властной коалиции для стабильности авторитарного правления можно считать подтвержденными. При этом создание такой коалиции требует применения не только репрессий, но и кооптационных механизмов, а также наличия средств легитимации власти. В тех случаях, когда инкубенты были способны вовремя изолироваться от теряющей массовую поддержку коммунистической идеологии и перехватить лозунги национализма у оппозиции, власть преодолевала проблему делегитимации и расширяла массовую поддержку. Хотя репрессивное давление являлось важным ресурсом удержания власти, кооптационные стратегии в условиях неопределенности приносили больше выгод для авторитарных лидеров с точки зрения укрепления своих властных позиций. Большинство инкубентов, которые опирались исключительно на силовые методы, оказались проигравшими и были смещены с властного олимпа.

В пятой главе «Факторы устойчивости постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа на этапе режимной консолидации», состоящей из двух параграфов, представлен анализ факторов устойчивости и режимной динамики восьми исследуемых случаев на этапе режимной консолидации. Все восемь случаев разделены на две группы, согласно режимным типам, утвердившимся в государствах Центральной Азии и Кавказа в постсоветский период.

В первом параграфе «Факторы устойчивости неопатримониального авторитаризма в современном Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане, Казахстане, Таджикистане» рассматриваются факторы, определившие стабильность недемократического режима в виде неопатримониального авторитаризма в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа.

Изучение эмпирических данных и сравнительный анализ постсоветского развития Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Туркменистана привел автора к следующим выводам. Существенным фактором, расширяющим «окно возможностей» формирования неопатримониального авторитаризма, стало *наличие сырьевых ресурсов*, доходы от которых позволили президентам сформировать широкую властную коалицию на основе *кооптационно-ресурсного патронажа*. Узбекистан и Таджикистан являются особыми случаями. Не имея существенных доходов от экспорта сырья, президенты этих государств, тем не менее, смогли установить авторитарную режимную форму, что говорит о важности учета других факторов недемократической консолидации.

В частности, важным фактором консолидации авторитаризма стала *фрагментированная элитная структура*, позволившая проводить автократу политику по модели «разделяй и властвуй». Элитная биполярность создает ограничения для кооптации и формирования широкой властной коалиции, стимулируя конкуренцию. Это является значимым источником дестабилизации режимов. В Узбекистане фрагментация была обусловлена объективными региональными расколами между представителями самаркандских, ташкентских и бухарских элит. Игра на противоречиях между элитными группами, как и установление контроля за экспортом хлопка, позволили президенту И. Каримову занять место доминирующего актора и консолидировать авторитаризм.

В Таджикистане биполярная элитная констелляция привела к гражданской войне. Следствием стала атомизация элиты, что облегчило новому инкумбенту в лице Э. Рахмонова вступать в коалиции с разными элитными сегментами и искусственно стимулировать фрагментацию основных политических игроков. Данная стратегия оказалась успешной для концентрации личной власти и трансформации режима из неопатримониальной полиархии в авторитаризм даже при отсутствии значимых экономических ресурсов.

В Азербайджане период атомизированного партикуляризма разрушил былую интеграцию элит и создал условия для фрагментации, которой успешно воспользовался президент Г. Алиев. В Туркменистане элитная структура была еще более сложная, раскалывающая элиту на семь основных субэтнических групп. Подобным образом в Казахстане элитная фрагментация определялась не только субэтническими противоречиями трех жузов, но и этническим расколом между казахами и русскими. Указанный фактор облегчал президентам проводить политику «разделяй и властвуй» и укреплять свое личное превосходство.

Не менее важным фактором стабильного функционирования авторитаризма является использование инкумбентом *институциональной инженерии*, позволяющей с помощью «партии власти» кооптировать и интегрировать инсайдеров, а также с помощью партий-спойлеров раскалывать и ослаблять аутсайдеров.

В Азербайджане инкубент сделал своей опорой партию «Новый Азербайджан», которая с каждым электоральным циклом наращивала свое преимущество. В Казахстане «партией власти» выступила «Нур Отан», которая установила свое полное доминирование в электоральном поле и свела к минимуму элитную конкуренцию в публичном пространстве. Подобным образом в Таджикистане «партия власти» «Народно-демократическая партия Таджикистана» выполняет функцию кооптации и интеграции элит, а также контроля исполнительной власти за легислатурой. В Туркменистане и Узбекистане инкубент также использует как экс-коммунистические партии, так и новые партийные проекты-спойлеры в качестве своей опоры и монополизации политического рынка.

Спецификой Туркменистана и Узбекистана является то, что для обеспечения стабильности власти кроме формальных институтов успешно используют традиционные социальные организации, (например, махалли в Узбекистане, или советы старейшин в Туркменистане), которые поставлены под контроль государственных органов, что решает проблемы устойчивости режима.

Формирование разветвленной патрональной сети, способной кооптировать в себя не только ближний круг высшей элиты, но и часть более широких социальных слоев, требует использования разного рода *легитимирующих идей и практик*, способных поддерживать лояльность населения к режиму не только на основе репрессий и страха, но и с помощью механизмов убеждения и пропаганды. Их успешное применение расширяет социальную базу режима и способствует его устойчивости. Важным фактором стабильности авторитаризма является кооптация не только ближнего круга сторонников президента, но и интеграция в патрональную сеть более широких социальных групп, что возможно как с помощью патронажа, так и посредством механизмов легитимации, основанных на пропаганде. Как вид массового патронажа можно рассматривать популизм в социальной политике, инвестиции в инфраструктурные проекты накануне электоральных циклов, развитие социальных программ и другие социальные государственные расходы, призванные увеличить лояльность населения по отношению к авторитарному правителю.

Во втором параграфе «Факторы устойчивости неопатримониальной полиархии в современной Армении, Грузии, Кыргызстане» рассматриваются факторы, определившие устойчивость гибридного режима в виде неопатримониальной полиархии в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа, а также раскрываются источники динамики этой режимной формы.

Изучение эмпирических данных и сравнительный анализ постсоветского развития Армении, Грузии и Кыргызстана привел автора к следующим выводами.

Все три государства с дефицитом сырьевых источников (Армения, Грузия и Кыргызстан) оказались случаями консолидации гибридного режима в виде неопатримониальной полиархии, а попытки формирования

президентами этих стран неопатримониального авторитаризма потерпели крах. Делается вывод, что неопатримониальная полиархия утвердилась в государствах, лишенных значимых экономических ресурсов, что вынуждает инкубент опираться на *репрессивно-хищнический патронаж*. Это приводит к меньшей устойчивости данного режима, поскольку политический лидер в таких условиях имеет ограниченный потенциал по инкорпорированию инсайдеров и аутсайдеров во властную коалицию. Доминирование репрессий при дефиците кооптационных практик приводит к понижению лояльности инсайдеров и радикализации как аутсайдеров, так и электората. Все это повышает вероятность дестабилизации режима. Исход политического перехода данного режимного типа определяется конstellляцией элит, сложившейся в процессе нового цикла режимной трансформации. Фрагментация элит в ходе смещения инкубента аутсайдерами может привести к краткосрочному формированию неопатримониального авторитаризма. Однако, если авторитарному лидеру не удастся перегруппировать элитные сети и сохранить фрагментацию элиты, вскоре происходит реанимация элитной биполярности, эскалация политического соперничества и реставрация неопатримониальной полиархии.

Неопатримониальная полиархия является режимом, обладающим благоприятным набором условий, для перехода к институциональной полиархии. Это становится возможным, когда в результате циклов режимных переходов, обострения политической борьбы и роста политической мобилизации населения происходит сокращение автономии элит через «партизацию» политического процесса и замене доминирования неформальных патронажных сетей формализованными институтами и публичными «правилами игры», которые становятся «единственными в городе» для всех основных политических игроков.

В **Заключении** сформулированы основные итоги и выводы проведённого исследования факторов устойчивости и режимной динамики авторитаризма в постсоветских государствах Центральной Азии и Кавказа.

Основное содержание работы изложено в 38 научной публикации, общим объёмом 41,15 п. л., в том числе:

Статьи в рецензируемых научных журналах по перечню Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Шкель, С. Н. Постсоветские режимные трансформации: опыт Республики Казахстан / С. Н. Шкель // Право и политика. 2009. № 10. С. 2024–2031. (0,5 п. л.).
2. Шкель, С. Н. Ловушки модернизации и проблемы демократизации на постсоветском пространстве / С. Н. Шкель // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 9. С. 208–214. (0,4 п. л.).
3. Шкель, С. Н. Социально-экономические факторы демократизации в условиях постсоветского транзита / С. Н. Шкель // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 4. С. 1231–1234. (0,25 п. л.).

4. Шкель, С. Н. Демократический дискурс в контексте современных российских политико-трансформационных процессов / С. Н. Шкель // Социальная политика и социология. 2010. № 8. С. 261–268. (0,5 п. л.).
5. Шкель, С. Н. Современные типологии постсоветского авторитаризма / С. Н. Шкель // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 213–217. (0,3 п. л.).
6. Шкель, С. Н. Типы авторитаризма на постсоветском пространстве / С. Н. Шкель // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6 (56). С. 51–57. (0,4 п. л.).
7. Шкель, С. Н. Идеологическое измерение политико-трансформационных процессов в современной России / С. Н. Шкель // Социальная политика и социология. 2011. № 8. С. 104–110. (0,4 п. л.).
8. Шкель, С. Н. Процедурные факторы устойчивости авторитарных режимов : концептуальная рамка анализа / С. Н. Шкель // Право и политика. 2014. № 6. С. 799–806. (0,5 п. л.).
9. Шкель, С. Н. Недемократические политические режимы : основные направления исследований в современной политической науке / С. Н. Шкель // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3. С. 70–76. (0,4 п. л.).
10. Шкель, С. Н. Типология постсоветских политических режимов : синтез электорального и неопатримониального подходов / С. Н. Шкель // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8–2 (46). С. 210–217. (0,5 п. л.).
11. Шкель, С. Н. Авторитаризм как категория политической науки / С. Н. Шкель // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 202–203. (0,12 п. л.).
12. Шкель, С. Н. Осмысление постсоветских трансформаций в современной политической науке / С. Н. Шкель // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: <http://www.science-education.ru/120-16469> (0,5 п. л.).
13. Шкель, С. Н. Стратегии политического лидерства в период неопределенности: случай постсоветского Азербайджана / С. Н. Шкель // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 212–213. (0,12 п. л.).
14. Шкель, С. Н. Political regimes of the post-Soviet states of the Central Asia and Caucasus / С. Н. Шкель // Право и политика. 2014. № 12. С. 1835–1839. (0,3 п. л.).
15. Шкель, С. Н. Современные классификации авторитарных режимов / С. Н. Шкель // Политика и общество. 2014. № 12. С. 1562–1570. (0,5 п. л.).
16. Шкель, С. Н. Постсоветские политические трансформации в отражении современной политической мысли / С. Н. Шкель // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Ч. 2. С. 287–291. (0,3 п. л.).

17. Шкель, С. Н. Неформальные институты в политическом процессе постсоветских государств / С. Н. Шкель // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12 (7). С. 1582–1585 (0,25 п. л.).

18. Шкель, С. Н. Политическая оппозиция в гибридном режиме : опыт постсоветской России / С. Н. Шкель, Э. В. Шакирова // *Вестник Пермского Университета. Серия Политология*. 2014. № 1. С. 4–21. (1,0 / 0,5 п. л.).

19. Шкель, С. Н. Political opposition in the hybrid regime : the post-soviet Russia experience / С. Н. Шкель, Э. В. Шакирова // *В мире научных открытий (In the World of Scientific Discoveries)*. 2014. № 9.3 (57). С. 1169–1202. (2,0 / 1,0 п. л.).

20. Шкель, С. Н. Современные методологические подходы и теоретические модели исследования политико-режимных трансформаций на постсоветском пространстве / С. Н. Шкель, Н. Э. Гареева // *Право и политика*. 2012. № 1. С. 156–162. (0,4 / 0,2 п. л.).

21. Шкель, С. Н. Массовый политический протест в современной России : динамика и специфика развития / С. Н. Шкель, М. Р. Сабитов // *Право и политика*. 2012. № 10. С. 1669–1675. (0,4 / 0,2 п. л.).

22. Шкель, С. Н. Динамика политико-режимных трансформаций в странах постсоветского пространства : этапы эволюции политической мысли / С. Н. Шкель, Н. Э. Гареева // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16. № 3. С. 803–806. (0,3 / 0,15 п. л.).

23. Шкель, С. Н. Современная русская националистическая идеология : конкуренция правовых и культурных форм коллективной идентичности / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин, А. Ф. Зорин // *Право и политика*. 2007. № 1. С. 35–45. (0,7 / 0,3 п. л.).

Монографии по теме диссертации:

24. Шкель, С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе / С. Н. Шкель. – Уфа : Гилем, 2014. 349 с. (21,6 п. л.).

25. Шкель, С. Н. Политические кризисы в странах постсоветского пространства : факторы возникновения и развития (на примере современной Украины) / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин, А. А. Корякина. – Уфа : Нефтегазовое дело, 2008. 135 с. (8,4 / 3,0 п. л.).

26. Шкель, С. Н. Политическая оппозиция в постсоветской России : этапы и особенности становления / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин, Л. М. Мусина. – Уфа : БАГСУ, 2007. 127 с. (7,9 / 2,6 п. л.).

Статьи в научных изданиях:

27. Шкель, С. Н. Авторитарное государство: этапы исследования в политической науке / С. Н. Шкель // *Государство будущего : политико-правовой аспект: Статьи докладов и выступлений Международной научно-практической конференции*. Уфа, 11 апреля 2014 г. – Уфа : Издательство «Нефтегазовое дело». 2014. С. 201–208. (0,5 п. л.).

28. Шкель, С. Н. Новая волна : многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки / С. Н. Шкель // PolitBook. 2013. № 4. С. 120–139. (1,1 п. л.).
29. Шкель, С. Н. Особенности политического режима в современном Казахстане и перспективы его трансформации / С. Н. Шкель // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 6 (66). С. 115–123. (0,5 п. л.).
30. Шкель, С. Н. Идеологические ориентации молодых государств постсоветского пространства / С. Н. Шкель // Социально-политическое развитие Российской Федерации в XXI столетии : состояние и прогнозы: материалы Республиканской научно-практической конференции 18 октября 2007 г. Уфа : РИЦ БашГУ. 2008. С. 30–38. (0,5 п. л.).
31. Шкель, С. Н. Идеинные контуры политических систем постсоветского пространства / С. Н. Шкель // Становление и развитие политической системы Российской Федерации : материалы «Круглого стола», проведенного на кафедре политологии БашГУ 27 декабря 2006 г. Уфа : РИЦ БашГУ. 2007. С. 29–35. (0,4 п. л.).
32. Шкель, С. Н. Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве / С. Н. Шкель, Н. Э. Гареева // Modern trends in scientific thought development: materials digest of the 2nd International Scientific Conference (January 31 – February 14, 2011, Kiev, London). Juridical sciences, open section / All-Ukrainian Academic Union of specialists for professional assessment of scientific research and pedagogical activity; Organizing Committee : V. Zhitnigor (chairman), L. Kypreichyk, A. Tim, G. Georgiou, S. Serdechny, L. Staker. Odessa : InPress. 2011. С. 46–49 (0,2 / 0,1 п. л.).
33. Шкель, С. Н. Демократия в современной России : отражение общественного сознания и политические проекты власти / С. Н. Шкель // Вестник Башкирского Института Социальных Технологий. 2010. № 3. С. 56–74. (1,1 п. л.).
34. Шкель, С. Н. Власть и проблемы демократизации в условиях постсоветских трансформаций / С. Н. Шкель // Власть и воздействие на массовое сознание : сборник научных статей VI Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. Пенза : РИО ПГСХА. 2010. С. 104–107. (0,25 п. л.).
35. Шкель, С. Н. Особенности национального строительства на постсоветском пространстве / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин, Э. Н. Ямалова // Национализм и национально–государственное устройство России : история и современная практика / под общ. ред. А. Б. Юнусовой. Уфа : ИЭИ УНЦ РАН. 2011. С. 76–82. (0,4 / 0,2 п. л.).
36. Шкель, С. Н. Проблемы трансформации политических систем постсоветских стран через призму современных транзитологических концепций / С. Н. Шкель, Н. Э. Гареева // Мировое сообщество : проблемы и пути решения : сб. науч. ст. Уфа : Изд-во УГНТУ. 2010. № 27. С. 137–139. (0,2 / 0,1 п. л.).

37. Шкель, С. Н. Становление гражданского общества и развитие человеческого потенциала / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин // Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общей редакцией Валиахметова Р. М., Бурхановой Ф. Б., Хилажевой Г. Ф. Уфа : Изд-во «Восточная печать». 2009. С. 253–268. (1,0 / 0,5 п. л.).

38. Шкель, С. Н. Институционализация гражданского общества в Башкортостане : современные реалии и проблемы / С. Н. Шкель, Ю. Н. Дорожкин, Е. А. Котова // Экономика и управление: научно–практический журнал. 2008. № 3. С. 35–41. (0,4 / 0,2 п. л.).

Подписано в печать 18.03.2015 г. Заказ № _____

Формат 60 X 84 1/16. Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз.

Издательство АНО ВПО «Московский гуманитарный университет».

111395, г. Москва, ул. Юности, 5.